

Антропологический фокус Бориса Дубина: горизонты и границы

ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ

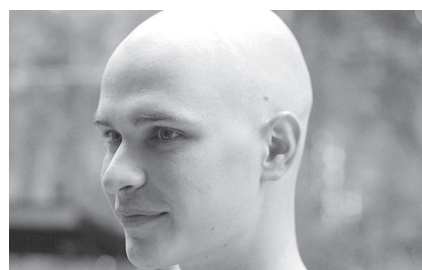
*Смысловая вертикаль жизни. Книга интервью
о российской политике и культуре 1990–2000-х*

БОРИС ДУБИН

Составитель ТАТЬЯНА ВАЙЗЕР

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 688 с.

Вышедший осенью прошлого года сборник интервью Бориса Дубина уже тогда мог восприниматься как памятник минувшего периода российской истории: несмотря на наполненное мрачными прогнозами интервью, данное после аннексии Крыма, большинство составивших книгу разговоров с умершим в 2014-м социологом, эссеистом и переводчиком сфокусировано на «нулевых» годах и ретроспективном обсуждении последних советских и первого постсоветского десятилетий. Итоговый характер изданию придают и включенные в него двенадцать текстов, написанных Татьяной Вайзер, Еленой Петровской, Олегом Аронсоном, Александром Дмитриевым, Алексеем Левинсоном и Алексисом Береловичем, Ильей Кукулиным, Борисом Степановым, Ириной Каспэ, Михаилом Ямпольским и Сергеем Козловым, – предлагающих многообразные мемуарные и аналитические суждения о личности и насле-

*Олег Алексеевич
Ларионов (р. 1998) –
историк литературы,
сфера научных интересов –
русская литература
XVIII века, интеллекту-
альная история, гумани-
тарная и социальная
теория.*

П

**НОВЫЕ
КНИГИ**

219

дии Дубина¹. Теперь, когда катастрофический разрыв окончательно отделил нас от эпох, в которых жил и работал Дубин, именно этот сборник интервью, схватывающий разные аспекты дубинской деятельности, позволяет вступить в диалог с его текстами и соотнести его мысль с опытом и заботами последних лет и месяцев.

Составитель книги Татьяна Вайзер тематически сгруппировала интервью в несколько разделов, пронизанных смысловыми переключками и складывающихся в цельную характеристику российского общества и культуры в их прошлом и настоящем. Согласно Дубину, постсоветская Россия оказывается страной, так и не доведшей до конца процесс модернизации. Перестройка и рыночные реформы, на которые возлагалось так много надежд, не привели к формированию социальных институтов и элитных групп, которые увязывали бы общество в единое целое и производили бы универсальные нормы, ценности и стандарты поведения. Фрагментированный и разобщенный российский социум состоит из атомизированных и деполитизированных людей, практически не вступающих в горизонтальные формы кооперации за пределами узкого круга семейных и дружеских связей, и власти, выхолостившей публичную политику в бессмысленные ритуалы. Дефицит представлений об общем благе, предпочтение адаптации самосовершенствованию, зависть и ксенофобия сочетаются с полным доверием президенту и готовностью отождествиться со страной, понятой как великая держава, противостоящая Западу и опирающаяся на славное прошлое – находящуюся в средоточии национальной идентичности победу во Второй мировой войне и идеализированную советскую жизнь, ностальгия по которой вытесняет сложный разговор о трагедиях и преступлениях XX века. Воспроизводством всей этой конструкции занята индустрия массмедиа, в первую очередь телевидение, триумфальное распространение которого сопровождалось распадом культурных институтов советского времени и связанной с ними интеллигенции, катастрофическим падением тиражей журналов и сокращением читательской публики, замыканием на себе узких художественных и интеллектуальных сообществ, не желающих брать ответственность за все общество и вообще вступать в контакт с современностью. Не приносят никакого результата и слабые попытки оппозиции предложить альтернативу сложившемуся порядку: протесты 2011–2012 годов, которые поначалу Дубин встретил с надеждой, уже в 2014-м опознаются как «знак конца», и будущее страны

1 К этим текстам следует также добавить два предисловия к посмертным сборникам Дубина: Рейтблат А.И. *От составителя* // Дубин Б.В. *Очерки по социологии культуры. Избранное*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 5–10; Кобрин К.Р. *Герой модерна* // Дубин Б.В. *О людях и книгах*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 5–14.

видится бесперспективным: «есть все основания думать, что впереди будет существенно хуже для всех» (с. 249–250).

Во второй половине книги фокус смещается с российского общества и культуры на самого Дубина и его интеллектуальную биографию. Говорится о детстве на окраине Москвы, приобщении к книжной культуре, учебе на филфаке МГУ, участии в неофициальном литературном сообществе СМОГ, устройстве на работу в Ленинскую библиотеку. Если 1960-е переживаются Дубиным как период, в который его поколение «формируется как некое условное целое», то в следующие десятилетия происходит фрагментация и размывание коллективного исторического опыта: «поколения как бы не стало» (с. 276). Между тем именно в этих условиях складываются две важнейшие сферы деятельности Дубина. Во-первых, он начинает заниматься переводами; ключевой фигурой в этой области для него оказывается Анатолий Гелескул. Во-вторых, через своего коллегу Льва Гудкова он знакомится с Юрием Левадой, приобщаясь к социологической проблематике. Подробные беседы, посвященные этой теме, дают много очень ценного материала по позднесоветской интеллектуальной истории, выразительно обрисовывая харизматический образ самого Левады, круг занимавших его вопросов, институциональные перипетии и хрупкие формы полупубличного существования немарксистской социологии. В перестройку для Дубина начинается второй период активного исторического существования, когда он участвует в создании и деятельности ВЦИОМ, оказываясь на переднем крае процессов кристаллизации гражданского общества и публичной сферы. В это же время он активно публикует переводы и собственные сопроводительные тексты, целенаправленно знакомя русскоязычную аудиторию с непривычными для нее типами письма и мышления. Последний этап набрасываемой Дубиным автобиографии связан с разочарованием, сменившим кратковременную эйфорию: надежды на возникновение полноценного современного общества не оправдались, нескладная история постсоветской России подталкивала к новым интерпретациям, акцентирующим дряхлеющее влияние тоталитарного советского прошлого на граждан и институты страны, а в 2003 году давление власти вынудило сотрудников покинуть ВЦИОМ и основать независимый «Левада-центр»². Время общественного и государственного запроса на экспертное социологическое знание, играющее роль в публичных дебатах о перспективах развития страны, окончательно ушло в прошлое.

Даже из этого неизбежно схематичного очерка основных смысловых линий книги видно, что в ней представлены как се-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

рия суждений о российском обществе и культуре, так и условия производства этих суждений: сама фигура эксперта и история формирования той интеллектуальной и институциональной позиции, из которой он ведет речь. Составившие сборник интервью очень разнятся по коммуникативной ситуации, объему, тематике, но во всех них осуществляется работа «сопоставления, опосредования и интеграции различных ценностных порядков, принятых и фигурирующих в обществе на разных его уровнях, в различных секторах и зонах, в разных группах и поколениях», реализуется «опосредующая, интегративная и обобщающая, универсализирующая функция»³ – та самая, которую Дубин вменял и не находил у позднесоветской интеллигенции в новых исторических условиях. Теперь любой читатель может оценить масштаб усилий, затраченных самим Дубиным на изобретение и исполнение роли публичного интеллектуала, профессионала, делящегося своей экспертизой с обществом. При этом нельзя не указать на некоторые хорошо известные опасности, вписанные в саму ситуацию транслирования академического знания на широкую аудиторию. Освященные авторитетом эксперта суждения превращаются из набора различных гипотез, интерпретаций, подходов, не обязательно разделяемых всем научным сообществом, в претендующее на конечную истину знание об обществе, в приговор или поучение, производимое с позиции символической власти. Кроме того, тонкости, нюансированности, экспериментальности рефлексии учебного угрожает опасность упрощения и уплощения – причем это огрубление и банализация могут произойти и в речи самого эксперта, и в рецепции его слов читателями. Таким образом, складывающаяся из множества интервью концептуализация Дубиным российского общества и культуры должна критически рассматриваться как претендующая на универсальность и безальтернативность очень специфическая, структурно ограниченная интерпретация с определенной оптикой и расстановкой акцентов. Очерченная проблематика задает горизонт, в котором будут разворачиваться следующие ниже замечания, цель которых – не ставя под сомнение глубину и фундаментальность высказываний Дубина – отнести к ним как к реплике об обществе, высказанной в рамках публичной сферы и подлежащей, соответственно, не узкодисциплинарному, а более общему обсуждению, вскрывающему ключевые особенности и неизбежные слепые пятна этого способа мысли.

Наиболее очевидным контекстом мысли Дубина – как она представлена в этом сборнике – служит левадовская социология, снабдившая его концептуальным аппаратом и институцио-

3 Дубин Б.В. *Интеллигенция и профессионализация* // Он же. *Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 191.

нальным положением, которые и сделали возможным появление всех этих интервью. Нетрудно было бы продемонстрировать, и этот факт постоянно подчеркивает сам Дубин, что важнейшие моменты его интерпретации советского и российского общества – общая рамка теории модернизации, внимание к символическому измерению общественной жизни, культуре и ценностям, всегда невыгодное сравнение с «нормальными» западными странами, наконец, фигура «советского человека», вплоть до несколько пугающих своим языком рассуждений о том, «что за XX век у нас в стране какие-то нарушения внесены уже в саму антропологическую конструкцию, в устройство человека» (с. 290), в результате чего «человеческий материал сильно [...] устал» (с. 317), – находят ближайшие параллели в текстах Левады и его учеников. Между тем эта конститутивная для всего дубинского наследия связь одновременно делает его очень уязвимым. Социологический проект Левады не раз становился предметом острой критики, обращавшей внимание на непроясненный и спекулятивный характер концепции «советского человека», непродуктивную изоляцию советского и российского случая при постоянном его противопоставлении идеализированному обобщенному Западу, проблематичность, если не необоснованность, предлагаемых интерпретаций результатов опросов, недостаточность одного этого источника для делаемых на его основании выводов и так далее⁴. Все эти упреки можно адресовать и Дубину, опознав в его высказываниях не манифестацию социологического знания *per se*, а выражение дискуссионных убеждений специфического, существовавшего в очень конкретных обстоятельствах течения поздне- и постсоветской научной мысли. Сделав это принципиальное замечание, можно сместить внимание с рамки левадовской социологии на индивидуальный интеллектуальный проект Дубина.

Уже не раз отмечалось, что общим знаменателем многообразного наследия Дубина была фигура человека, определенный тип личности, способ существования субъекта. В этом антропологическом фокусе собираются и увязываются между собой занятия социологией литературы и культуры, с их интересом к моделируемому в искусстве опыту и механизмам его рецепции, переводы и эссе, предлагающие образцы сложных конструкций субъектности пишущего, попытки охарактеризовать «советского человека» и стремление противопоставить ему идеал гражданина «развитых обществ», принципами которого оказываются «самостоятельность, состязательность и солидарность» (с. 133). Культура представляется Дубину в виде

⁴ Габович М. *К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады* // Вестник общественного мнения. 2008. № 4(96). С. 50–61; Титков А.С. *Призрак советского человека* // *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 4. С. 53–94.

конститутивного для общества «идеального начала, которое держалось бы личной ответственностью и задавало индивидуальной жизни смысловую напряженность, вносило в нее идею ценностного качества (поступка, вещи, самого человека, отношений между людьми), его постоянного повышения» (с. 281). Этот «проект культуры» имеет вполне конкретную пространственную и временную привязку, поскольку почти синонимичными ему в дубинском словоупотреблении оказываются понятия «Европа» и «проект модерна» (с. 402). При этом принципиально важными для Дубина оказываются две точки. Во-первых, это XX век, когда в литературе и философии возникают переводимые им промежуточные, пограничные формы письма, прямо связанные с «разработкой, пестованием, окультуриванием личности» (с. 396), с «принципом субъективности» (с. 420), которого недостает в России и на котором держится эссеистика. Во-вторых, на более глубинном уровне, это конец XVIII – начало XIX века, когда «на развале сословного общества» (с. 326) «в Просвещении и романтизме (прежде всего немецком)» разрабатывается «понятие культуры» (с. 332), «антропологическая программа перехода нескольких стран Европы к современному (модерному) обществу»⁵. У возникающей тогда конструкции личности, как ее описывает Дубин, можно выделить два ракурса. С одной стороны, это «[ч]еловек, умеющий сам ставить перед собой цели, осуществлять осознанный выбор и брать на себя ответственность» (с. 326), в котором опознается кантовский автономный субъект, «зрелый» и «просвещенный» гражданин своей страны. С другой стороны, дубинский человек модерна обладает эстетическим измерением, заданным романтиками, у которых сфера «искусства, литературы, культуры конституировалась... через отнесенность к ценности субъективного самоопределения», а личность «репрезентировалась метафорикой бесконечного», в результате чего формировался «антропологический принцип постоянного повышения качеств человеческого, усложнения и рафинирования субъективности»⁶.

Культура, понятая как «культивирование, изготовление самого себя собственными силами, по своему разумению и лучшим образцам» (с. 397), оказывается для Дубина универсальным идеалом, через соотнесение с которым оцениваются любые явления. Показательным примером может послужить исследование советских эго-документов, результатом кото-

5 Дубин Б.В. *Расплывающиеся острова. К социологии культуры в современной России* // Он же. *Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 250.

6 Он же. *Массовая словесность – национальная культура – формирование литературы как социального института* // Он же. *Классика, после и рядом...* С. 84.

рого становится достаточно предсказуемый в контексте дубинской мысли тезис «о невозможности личного в советской культуре»⁷. Одним из источников, которому он посвятил еще и отдельную статью⁸, для Дубина в этой работе послужили записки полуграмотной Евгении Киселевой, впервые целиком опубликованные и проанализированные Натальей Козловой и Ириной Сандомирской⁹. Характерно, что там, где Дубин видел только негативное свидетельство недостачи, нехватки и невозможности, исследовательницы нашли источник феминистской солидарности, а также повод критически взглянуть на ту самую высокую культуру, насильственно насаждаемые ею нормы и роль, играемую при этом гуманитарным знанием. Общими же импликациями этого конфликта интерпретаций оказываются, как пишет в более позднем тексте Сандомирская, вопросы о возможности помыслить и признать человеческую субъектность за пределами рациональности нововременного субъекта и неготовность интеллектуального класса дистанцироваться от неолиберальных рыночных реформ и связанного с ними высокомерного презрения к «советскому человеку»¹⁰. Дополнительно прояснить фиксируемый этим случаем принципиальный раскол может анализ рецепции Дубиным наследия Мишеля де Серто. Если для Козловой и Сандомирской, как и для множества других исследователей, центральной работой французского мыслителя оказывается «Изобретение повседневности», предлагающее наделять агентностью и активной творческой силой неприметные маргинальные фигуры типа Киселевой, то Дубин, не раз писавший о Серто, переводивший его и прекрасно знавший, что его «как историка и как современника притягивала эта плотная, всякий день заново ткущая Пенелопина ткань бесконечных микрохитростей и минипобед человека над надзором власти и дисциплиной кары, дрессурой принудительного труда и гнетом рутинной скуки (нудная для других обыденщина – для Серто область “чудес”, “скоротечных праздников”)¹¹, вовсе не стремился перенять эту оптику и, скажем, увидеть в советском и российском обществе, вместо левадовской «адаптации» браконьерские «тактики» Серто. Его гораздо больше интересовали мысли Серто о том, что

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

7 Он же. *О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования)* // Он же. *Классика, после и рядом*. С. 197–207.

8 Он же. *Границы и ресурсы автобиографического письма (по запискам Евгении Киселевой)* // Он же. *Очерки по социологии культуры...* С. 527–539.

9 Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. *«Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения*. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996.

10 Сандомирская И. *«Наивное письмо» пятнадцать лет спустя, или На смерть соавтора* // Неприкосновенный запас. 2012. № 2(82). С. 206–219.

11 Дубин Б.В. *Мишель де Серто, или Страсть к отвергнутому* // Он же. *На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке*. М.: Emergency Exit, 2005. С. 334–335.

такое история сегодня, как она возможна, как можно строить исторический дискурс, историческое повествование» (с. 420). В фокусе внимания находится мыслитель, а не его странные герои – не Другой сам по себе, а Другой как предмет интереса исторически мыслящего современного субъекта, как явление, выводящее на новый уровень сложности и рафинированности все ту же высокую европейскую культуру¹².

Культура, понятая как «культивирование, изготовление самого себя собственными силами, по своему разумению и лучшим образцам», оказывается для Дубина универсальным идеалом, через соотнесение с которым оцениваются любые явления.

Продолжая контекстуализировать проект Дубина, можно поместить его в горизонт истории концептуализаций личности в российской культуре, доминирующей из которых, как показывает Николай Плотников, до последнего времени оставалась романтическая индивидуальность, хотя и не обладающая обычно чертами кантовского автономного субъекта, самостоятельно пользующегося собственным разумом, но по остальным параметрам, не говоря о происхождении, чрезвычайно близкая дубинскому идеальному человеку модерна¹³. Вализация самовоспитания через приобщение к «вечным ценностям» культурных канонов находилась в средоточии интеллигентского этоса и определяла цивилизаторскую функцию образованного класса в системе всего общества, о чем писал сам Дубин¹⁴, имплицитно противопоставлявший, как можно предположить, этой ориентации на «классику» свои переводы и эссе, в которых «разговор сосредоточен по преимуществу на так называемых “малых” литературах и “маргинальных” их феноменах»¹⁵. Гораздо более любопытно, однако, что тот же язык понимания субъектности доминировал и в официальной советской культуре¹⁶. Парадоксально и отчасти иронично, но отстраивающийся от «советского человека» как его полная противоположность современный субъект Дубина и конструи-

12 Он же. «Еретик настоящего»: историк глазами Мишеля де Серто // Неприкосновенный запас. 2014. № 3(95). С. 39–48.

13 Плотников Н. От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. 2008. № 3(91). С. 64–83.

14 Дубин Б. В. Российская интеллигенция между классикой и массовой культурой // Он же. Слово – письмо – литература... С. 329–341.

15 Он же. На полях письма... С. 4.

16 Плотников Н. От «индивидуальности» к «идентичности»... С. 79–80.

руемая в советских дискурсах и практиках «всесторонне и гармонично развитая личность», сколько бы ни считать последнюю фикцией, ложным подобием, призрачным двойником высоких устремлений нововременной европейской культуры, в глобальной перспективе выглядят двумя близкородственными изводами одной и той же традиции, восходящей к немецким идеям *Bildung*, кантовскому «просвещению», шиллеровскому «эстетическому воспитанию» и так далее. Более того, характерное для постсталинского СССР появление понятия личности как в партийных постановлениях, так и в языке психологии и социологии¹⁷ вообще может служить контекстом, объясняющим левадовский «проект социологической антропологии» (с. 477), в рамках которого зародились идеи Дубина.

Альтернативой, приходящей на смену всем этим концептуализациям персональности, в последние десятилетия оказывается понятие идентичности и основывающиеся на нем преимущественно психологические дискурсы¹⁸. Одновременно и в тесном переплетении с этими процессами западный проект модерна во всех своих аспектах стал предметом критики со стороны очевидно не импонировавших Дубину «различных окологосударственных, культур-критических концепций постмодерна, постколониализма, мультикультурализма, феминизма, теорий глобализации и проч., как правило, развиваемых публичными интеллектуалами США и Европы “левого” толка (отсюда – идеологические значки типа “культурного империализма”, риторика “господства” и проч.)»¹⁹. Следует четко зафиксировать этот недвусмысленный отказ от феминистской и постколониальной оптики, поскольку он выявляет структурную ограниченность дубинского интеллектуального проекта, проблематизирует его рецепцию и предвосхищает недавние споры, расколовшие российскую публичную сферу. Последние годы в России были наполнены перетекающими друг в друга дискуссиями, затрагивавшими сразу множество тем (борьба с харассментом на рабочем и учебном месте, движение BLM, критика гендерных и расовых стереотипов в искусстве, западная «культура отмены», распространение языка поп-психологии и терапевтический поворот и тому подобное) и объединявшимися под мало осмысленным ярлыком «новой этики»²⁰. В перспективе обсуждения дубинского наследия и его антропологического фокуса пред-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

17 Бикбов А. Тематизация «личности» как индикатор скрытой буржуазности в государстве «зрелого социализма» // *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге*. М.: Модест Колеров, 2007. С. 404–426.

18 Плотноиков Н. *От «индивидуальности» к «идентичности»*... С. 82–83.

19 Дубин Б. В. *Массовая словесность*... С. 94.

20 Характеристика состояния публичной сферы и очерк основных общественных дискуссий в России последних лет представлены в: ROSSMAN E., SURMAN J. *New Dissidence in Contemporary Russia: Students, Feminism and New Ethics* // *New Perspectives*. 2022. Vol. 30. № 1. P. 27–46.

ставляется важным, что эти дискуссии, если воспользоваться формулировкой Ирины Каспэ, «разворачиваются как столкновение двух моделей субъектности: реактивный, сконцентрированный на контактной границе субъект встречается со своей стремительно устаревающей противоположностью – с субъектом, который обладает гипертрофированным центром и размытыми границами, сочетает приверженность идее “истинного Я” с репрессированной чувствительностью и противопоставляет “новому языку разговора о чувствах” старый нарратив о необходимости героически справляться и стоически выдерживать сложные переживания»²¹. К этому следует добавить, что защитники условно «старой» модели субъектности зачастую прибегают к знакомым символическим ресурсам европейской современной культуры: метафорам «зрелого» и «совершеннолетнего» субъекта, несущего ответственность за свои поступки, дискурсу романтической творческой индивидуальности, ссылкам на великое искусство и уникальность западной цивилизации и так далее. В этих контекстах возникает опасность избирательного и поверхностного, хотя и имеющего под собой основания, прочтения наследия Дубина как безусловной апологии современной культуры и общества, не замечающей конституирующего их структурного насилия.

К концу 2021 года в России, по данным Эллы Россман и Яна Сурмана, существовали как минимум 45 независимых феминистских групп в 29 городах²². Сейчас, в условиях тотального коллапса российской публичной сферы и гражданского общества, именно эти горизонтальные сообщества послужили инфраструктурной и концептуальной базой для появления самого заметного общественного объединения последних месяцев – Феминистского антивоенного сопротивления. Как оказалось, вовсе не ожидаемый когда-то – среди прочих социологами «Левада-центра» – средний класс собственников с ценностями состоятельности, а фем-активистки, редко апеллирующие к наследию европейской современной культуры и едва ли ориентирующиеся на ее андроцентричные и гетеронормативные модели субъектности, стали той силой, которая, взяв ответственность за все общество, принципиально обращаясь к максимально широкой аудитории, а также поддерживая и развивая формы низовой солидарности и кооперации, публично заявляет о своей политической позиции и стремится распространять информацию в обход цензурных ограничений, сложно сочетая в своих акциях политическое и эстетическое измерения и постоянно рискуя попасть под репрессии.

21 КАСПЭ И. *Эмоции как место истины* // Colta. 2021. 13 декабря (www.colta.ru/articles/literature/29113-irina-kaspe-kniga-slozhnye-chuvstva-razgovornik-novoy-realnosti).

22 ROSSMAN E., SURMAN J. *Op. cit.* P. 36.

Учитывая все, сказанное выше, наследие Дубина, как представляется, не следует усваивать прямолинейно, некритично заимствуя ключевые понятия, схемы интерпретации российско-го и западных обществ, расстановки политических и социальных приоритетов, ценностные иерархии, диагнозы и рецепты. Возможно, более продуктивным будет обратить внимание на не бросающиеся в глаза, но, быть может, более фундаментальные и важные моменты. Увидеть обращенный к образованному классу призыв изменить себя и свое отношение к миру, перестав выстраивать барьеры между собой и остальным обществом. Услышать настойчивый совет политизироваться и солидаризироваться друг с другом. Отметить, например, стабильный интерес Дубина к «малой» литературе турецких иммигрантов в Германии (с. 343, 556) и предложение «попробовать писать... российскую литературу на русском языке... не как великую, а именно как малую»²³. Обнаружить, наконец, во всем этом удивительный этос современности, острую социальную и эстетическую чуткость и чувствительность к событиям и заботам текущих дней, сопряженную с умением не поглощаться ими без остатка, дистанцироваться и мыслить в широких временных, пространственных и концептуальных горизонтах – тот этос, желание приобщиться к которому и побуждает читать, перечитывать, обдумывать и оспаривать тексты Дубина сегодня.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОКУС БОРИСА ДУБИНА:
ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

23 Дубин Б. В. *Формы литературы – кумуляция опыта – организация общества: к типологии читателей* // Он же. *Классика, после и рядом...* С. 126.